

Елена Петровна Блаватская
Путеводная Звезда
неизведанного

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177445

Содержание

I	3
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Петровна Блаватская

Путеводная Звезда неизведанного

I

В одной древней книге по оккультным наукам написано:

«*Гупта видья* (тайная наука) – это притягательное, но бурное море, полное подводных скал. Мореплаватель, рискнувший путешествовать в нем, если только он не является мудрым и опытным,¹ будет поглощен им, напоровшись на один из тысяч подводный рифов. Огромные волны цвета сапфира, рубина и изумруда, волны, исполненные красоты и тайны, захватят его, готовые унести странника в направлении других, бесчисленных сигнальных огней маяков, светящих вокруг со всех сторон. Но это ложные огни, блуждающие огоньки, зажженные сынами Калии,² чтобы погубить тех, кто жаждет выжить. Блажен тот, кто остается слеп к этим обманчивым

¹ То есть, имеет опыт, приобретенный под руководством *гуру* или Учителя.

² Великий змей, побежденный Кришной и изгнанный из реки Ямуна в море; там змей Калия взял себе в жены существо, подобное сирене, и произвел на свет многочисленное потомство.

огням, но еще более блажен тот, кто никогда не отвращал своего взора от света единственной истинной Путеводной Звезды, чье вечное пламя в одиночестве пылает в глубинах вод Священной Науки. Бесчисленны странники, стремящиеся войти в эти воды; но лишь немногие плавают столь хорошо, что достигают этого Путеводной Звезды. Тот же, кто попадет туда, перестает быть числом и становится *всеми числами*. Он забывает об иллюзорной обособленности и признает лишь истину коллективной индивидуальности.³ Он видит ушами, слышит глазами,⁴ понимает язык радуги и сосредотачивает шесть своих чувств в седьмом». ⁵

«Сигнальный огонь маяка» Истины – это природа без иллюзорного покровы чувств. Ее можно достигнуть лишь тогда,

³ Иллюзия *персональности* или обособленного *эго*, выдвигаемого эгоизмом на первый план. Одним словом, необходимо как бы «усвоить» или «воспринять» все человечество, жить им, для него и в нем; другими словами, перестать быть «одним» и стать «всеим», или *целым*.

⁴ Ведическое выражение. В оккультизме есть семь чувств, включая два мистических; однако посвященный отделяет одно из этих чувств от другого не в большей степени, чем он обособляет свое единство от человечества. Каждое из этих чувств содержит в себе все остальные.

⁵ Символизм цвета. Язык призмы, в которой «каждый из семи материнских цветов имеет семь сыновей», т. е. 49 оттенков, или «сынов», между семью основными цветами, которые соответствуют такому же количеству букв, или знаков алфавита. Таким образом, язык цветов состоит для *посвященного* (не следует путать его с *адентом*; см. мою статью «Опасный сигнал») из пятидесяти шести букв. Каждая семерка этих букв поглощается материнскими цветами, а сами материнские цвета в конце концов растворяются в белом луче, Божественном Единстве, символизируемом этими цветами.

когда адепт становится абсолютным хозяином своей личности, способным контролировать все свои физические и психические чувства при помощи своего «седьмого чувства», посредством которого он наделяется также истинной мудростью богов – *тео-софией*.

Нет надобности говорить, что профаны – непосвященные, *стоящие вне храма*, или *pro-fanes*, – судят о вышеупомянутых «сигнальных огнях» и «Путеводной Звезде» прямо противоположным образом. Для них именно свет Путеводной Звезды оккультной истины есть *ignis fatuus*, великий блуждающий огонек людской иллюзии и человеческой глупости; а все остальные, по их мнению, отмечают милосердные песчаные отмели, которые на время задерживают тех, кто в волнении скитается по морю неразумия и суеверия.

«Разве недостаточно того», – говорят наши любезные критики, – «что мир через „измы“ пришел к *теософизму*, который есть не что иное, как трансцендентальное надувательство (*fumisterie*), и разве так уж необходимо, чтобы последний предложил нам еще и *réchauffé* [подогретое кушанье, *франц.*] средневековой магии, с ее великим шабашем и хронической истерией?»

Погодите, погодите, джентльмены! Неужели же, рассуждая о подобных вещах, вы не знаете, что такое *истинная* магия или оккультные науки? Вы позволили в ваших школах забить вам головы суждениями доброго отца Иринья, чересчур ревностного Феодорита и неизвестного автора «Филосо-

фумен» о «*дьявольском колдовстве*» Симона Мага и его ученика Менандра. Вы допустили высказывание с одной стороны, что эта магия исходит от дьявола, а с другой – что она является результатом обмана и глупости. Прекрасно. Но что тогда вам известно об истинном характере системы, которой следовали Аполлоний Тианский, Ямвлих и другие *маги*? И каково ваше мнение об идентичности теургии Ямвлиха с «магией» Симона и Менандра? Ее истинный характер лишь наполовину был открыт автором «*Liber de mysteriis*». ⁶ Тем не менее, его объяснений было достаточно, чтобы обратиться Порфирия, Плотина и других, кто из врагов *эзотерической теории* стали ее самыми горячими приверженцами. Истинная магия, теургия Ямвлиха, идентична, в свою очередь, с гнозисом Пифагора, ἡ γνῶσις τῶν ὄντων, *наукой о том, что есть*, и с божественным экстазом *филалетиян*, «любителей истины». Но о дереве стоит судить лишь по его плодам. Кто они, те, кто свидетельствует о божественном характере и реальности того экстатического состояния, которое в Индии называется *самадхи*? ⁷ Целый ряд людей, которые, будь

⁶ Сочинение Ямвлиха, использовавшего имя своего учителя, египетского жреца Аваммона, в качестве псевдонима. На греческом языке оно называется:

⁷ Самадхи – это состояние абстрактного созерцания, определенное на санскритских терминах, каждый из которых потребовал бы целого предложения для собственного объяснения. Это ментальное, или, точнее, духовное состояние, не зависящее от какого-либо воспринимаемого органами чувств объекта, во время которого *субъект*, растворенный в царстве чистого духа, пребывает в *Божественности*.

они христианами, были бы канонизированы – не по решению церкви, имеющей свои пристрастия и предрассудки, но по решению народного большинства и *vox populi* [гласа народа, лат.], который редко ошибается в своих суждениях. Например, Аммоний Саккас, называемый *теодидактом*, «богосвещенным»; великий учитель, чья жизнь была столь строга и чиста, что Плотин, его последователь, не имел ни малейшей надежды когда-либо лицезреть другого смертного, сравнимого с ним. Затем, тот же самый Плотин, который был для Аммония тем же, кем был Платон для Сократа – учеником, достойным добродетелей своего прославленного учителя. Далее, Порфирий, последователь Плотина,⁸ автор биографии Пифагора. Под сенью этого божественного гнозиса, благотворное влияние которого распространяется до наших дней, развивались все прославленные мистики последующих веков, такие как Якоб Бёме, Эммануэль Сведенборг и многие другие. Женский двойник Ямвлиха – мадам Гийон. Христианские квиетисты, мусульманские суфии, розенкрейцеры всех стран утоляли свою жажду водами из этого неиссякающего источника – теософии неоплатонизма первых веков христианской эры. Однако гнозис существовал и до начала этой эры, ибо он был прямым продолжением *гунта видьи* («тайного знания» или «знания Брахмана») древ-

⁸ Являясь в течение 28 лет гражданином Рима, он был столь добродетельным человеком, что сироты богатейших патрициев почитали за честь иметь его своим опекуном. Он умер, так и не нажив за эти 28 лет ни одного врага.

ней Индии, переданной через Египет, точно так же, как теургия филалетиан была продолжением египетских мистерий. В любом случае, точка, от которой отправляется эта *дьявольская* магия – Высшая Божественность; ее конечная и начальная цель – соединение божественной искры, одушевляющей человека, с породившим ее огнем, Божественным Всем.

Эта цель – *ultima Thule* [крайний предел, *лат.*] тех теософов, кто поставил всего себя на службу человечеству. Остальные же, те, кто еще не готов принести себя в жертву, могут заниматься трансцендентными науками, такими как месмеризм, и всеми видами современных феноменов. Они имеют право делать это в соответствии с пунктом, который определяет как одну из целей Теософского общества «изучение необъясненных законов природы и *психических сил, скрытых в человеке*».

Первых совсем немного – совершенный альтруизм является *rara avis* [редкой птицей, *лат.*] даже среди современных теософов. Остальные члены вольны заниматься тем, чем они пожелают. Не принимая все это в расчет, и не обращая внимание на тот факт, что наше *поведение* совершенно открыто, искренне и лишено таинственности, нас постоянно призывают объясниться и удостоверить публику, что мы не проводим знаменитых шабашей ведьм, или не изготавливаем метловища для определенного использования теософами. Иногда дело приобретает почти гротескный характер. Даже если нас и не обвиняют в изобретении нового «из-

ма» – *религии*, возникшей в глубинах больного мозга – или в обмане, то осуждают за то, что, применяя искусство Цирцеи, мы соблазняем людей и животных. Градом сыплются на Теософское общество насмешки и издевательства. Тем не менее, оно стоит непоколебимо уже четырнадцать лет, на протяжении которых постоянно происходят такие вещи; поистине, это – «крепкий орешек».

II

При всем том, критики, которые судят лишь по внешности, не во всем неправы. Есть теософия и теософия: истинная теософия журнала «Теософист», и теософия одного из членов одноименного Общества. Что знает мир об истинной теософии? Как может он отличить, где Плотин, а где лжебратья? Их в Обществе намного больше, чем оно того заслуживает. Эгоизм, тщеславие и самодовольство большинства смертных – невероятны. Существуют такие люди, для которых их маленькая *персона* заключает в себе всю вселенную, за пределами которой нет никакого спасения. Намекните одному из них, что альфа и омега мудрости не ограничена пределами его или ее мозга, что его суждение не совсем совпадает с Соломоновым, и сразу же он обвинит вас в *анти*-теософии. Вас обвинят в богохульстве против Духа, которое не будет прощено ни в этом веке, ни в последующем. Такие люди говорят: «теософия – это я», подобно тому, как сказал Людовик XIV: «государство – это я». Они рассуждают о братстве и альтруизме, а в действительности пекутся лишь о том, что более не заботит никого, – о самих себе, другими словами, о своих маленьких «я». Их эгоизм заставляет их воображать, что лишь они одни представляют храм теософии, и что, проповедуя себя всему миру, они проповедуют теософию. Увы! Двери и окна этого «храма» ничем не луч-

ше столь многочисленных каналов, по которым привносятся, но очень редко выводятся грехи и иллюзии, характерные для эгоистических посредственностей.

Такие люди – это термиты Теософского общества, которые подтачивают его фундамент и представляют для него постоянную угрозу. И лишь когда они покинут его, можно будет дышать свободно.

Они никогда не смогут дать правильное представление о практической теософии, а тем более о трансцендентной теософии, которая занимает умы лишь очень узкой группы избранных. Любой из нас обладает способностью, внутренним чувством, известной как *интуиция*, но сколь немного тех, кто знает, как развить ее! Однако это единственная способность, при помощи которой можно увидеть людей и предметы в их истинном свете. Это *инстинкт души*, возрастающий в нас пропорционально тому, как мы его используем, который помогает нам воспринимать и понимать реальные и абсолютные факты намного более явственно, чем это возможно при использовании наших обычных органов чувств и нашего рассудка. То, что называется здравым смыслом и логикой, позволяет нам видеть внешний облик вещей, очевидный каждому. *Инстинкт*, о котором я говорю, будучи проекцией нашего воспринимающего сознания, проекцией, которая действует в направлении от субъективного к объективному, а не наоборот, пробуждает в нас духовные чувства и силу действовать; эти чувства ассимилируют в себя

сущность объекта или наблюдаемого действия и представляют их нам такими, какими они являются в реальности, а не такими, какими они кажутся нашим физическим органам чувств или нашему холодному рассудку. «Мы начинаем с инстинкта, мы заканчиваем всеведением», – говорит профессор А. Уилдер, наш старейший коллега. Эту способность описывал Ямвлих, и некоторые теософы смогли понять истинность его описания.

«Существует», – по его словам, – «в человеческом разуме способность, неизмеримо превосходящая все то, что прививается или порождается в нас. С ее помощью мы можем достичь единства с высшими умами, обнаруживая себя вознесенными над ареной этой земной жизни и приобщаясь к высшему бытию и сверхчеловеческим силам обитателей небесных сфер. Благодаря этой способности мы освобождаемся, в конце концов, от владычества рока [кармы], и становимся, так сказать, арбитрами своей собственной судьбы. Ибо когда наиболее возвышенная наша часть наполняется энергией, и когда душа наша возносится к тому, что превосходит знание, она всецело обособляется от условий, которые держат ее в оковах повседневной жизни; она меняет свое обычное бытие на другое и отказывается от условных привычек, принадлежащих к внешнему порядку вещей, чтобы отдать себя и соединиться с другим порядком, который управляет

этим наивозвышенным состоянием бытия...»⁹

Платон ту же самую идею выражает следующим образом:

«Божественный свет и дух – это крылья души. Они возносят ее в общении с богами, поднимая над этой землей, которая с такой легкостью пятнает дух человеческий... Стать богоподобным означает стать святым, справедливым и мудрым. Это цель, ради которой был сотворен человек, и к которой он должен стремиться в приобретении знания».¹⁰

Такова истинная, сокровенная теософия, или теософия души. Но, преследуя эгоистическую цель, теософия меняет свой характер и становится *демонософией*. Именно поэтому восточная мудрость учит нас, что индусский йог, уединившийся в недоступном лесу – подобно христианскому отшельнику, удалившемуся, что в прежние времена было обыденным, в пустыню, – по сути, законченный эгоист. Первый действует с единственной мыслью найти в единой сущности нирваны убежище от реинкарнации, другим движет единственная идея спасения собственной души, – оба они думают только о себе. Их мотивы являются всецело личными; ибо, даже если предположить, что они достигли своей цели, разве не подобны они трусливым солдатам, бросающим свой полк в тот момент, когда он идет в атаку, чтобы защитить себя от пуль? Изолируя себя от остальных, ни йог, ни «свя-

⁹ Ямвлих, «Liber de mysteriis», VIII, 6–7.

¹⁰ Федр, 246 d, e; Тезтет, 176 b.

той» не поможет никому, кроме самого себя; напротив, оба они показывают свое глубокое безразличие к судьбе человечества, которое они покинули. На горе Афон, возможно, и живет небольшое число искренних фанатиков; тем не менее, даже они невольно покинули тот путь, который только и мог привести их к истине, – крестный путь Голгофы, на котором каждый добровольно несет крест человечества, и ради человечества. В действительности же это гнездо самой грубейшей формы эгоизма; именно к таким местам относится высказанное Адамсом замечание о монастырях:

«Это уединенные образования, которые, кажется, удалились от остального человечества ради единственного удовольствия общения *tête-à-tête* [с глазу на глаз, *франц.*] с дьяволом».

Гаутама Будда оставался в одиночестве лишь столько времени, сколько было необходимо для достижения истины, распространению которой он посвятил с тех пор всего себя без остатка, питаясь подаянием и живя ради человечества. Иисус удалился в пустыню лишь на сорок дней и умер ради того же человечества. Аполлоний Тианский, Плотин и Ямвлих, проводя свою жизнь в строгом воздержании, почти аскетическом, жили в миру и *для* мира. Величайшие аскеты и *святые* наших дней – это не те, кто удалился в недоступные места, но те, кто проводит свою жизнь, странствуя из одного места в другое, творя добро и питаясь возвысить человечество; хотя они могут избегать Европы, а также тех цивили-

лизованных стран, где никто не видит и не слышит никого, кроме самого себя, стран, разделенных на два лагеря – Каина и Авеля.

Те, кто рассматривает человеческую душу как эманацию Божества, как частицу или луч универсальной и АБСОЛЮТНОЙ души, понимает притчу о *талантах* намного лучше, чем сами христиане. Тот, кто зарывает в землю *талант*, данный ему его «Господом», потеряет этот талант, как теряет его аскет, сокрывший его в своей голове, чтобы «спасти свою душу» в эгоистическом одиночестве. «Добрый и верный раб», который удваивает свой капитал, вырастив урожай для *того, кто не сеял*, потому что у него не было возможности сделать это, и который собирает жатву там, где бедный не смог посеять зерна, поступает как истинный альтруист. Он получит вознаграждение просто потому, что трудился ради другого, без какой-либо мысли о воздаянии или признании. Такой человек является альтруистическим теософом, тогда как другой – эгоист и трус.

Свет Путеводной Звезды, к которому прикованы взоры всех истинных теософов, это тот же свет, к которому во все века пробивалась плененная человеческая душа. Это Путеводная Звезда, которая сияет не над земными морями, но отражается в темных глубинах предвечных вод безграничного пространства, называемого нами, как и древнейшими теософами, «Божественной Мудростью». Это последнее слово эзотерической доктрины. Разве существовала в древно-

сти хотя бы одна страна, по праву называемая цивилизованной, которая не имела бы двойную систему МУДРОСТИ, одну для масс, а другую для избранных, экзотерическую и эзотерическую? Эта МУДРОСТЬ, или, как мы иногда говорим, «религия мудрости», или *теософия*, столь же стара, как и человеческий разум. Титул *мудрецы* – первослужители этого культа истины – был ее первой производной. Эти названия трансформировались впоследствии в термины *философия* и *философы* – «любители знания» или мудрости. Именно Пифагору обязаны мы этим названием, а также словом *гнозис*, системой ἡ γνῶσις τῶν ὄντων, «познания вещей такими, какие они есть», или их сущности, сокрытой за внешним обликом. Этим именем, столь благородным и точным, все учителя древности обозначали совокупность человеческого и божественного знания. Мудрецы и брахманы Индии, маги Халдеи и Персии, иерофанты Египта и Аравии, пророки, или *нэвиим*, Иудеи и Израиля, а также философы Греции и Рима, все они выделяли два подразделения в этой особой науке – *эзотерическое*, или истинное, и *экзотерическое*, скрытое при помощи символов. До наших дней еврейские раввины называют термином *Меркава* «тело» или «повозку» своей религиозной системы, которая содержит внутри себя высшие науки, доступные лишь для посвященных, и служит для них лишь оболочкой.

Нас обвиняют в таинственности и упрекают за то, что мы держим в секрете высшую теософию. Мы убеждены, что док-

трина, которую мы называем *гупта видья* (тайная наука), предназначена лишь для немногих. Но разве существовали в древние времена такие учителя, которые не хранили бы в тайне свои учения, опасаясь их профанации? Начиная от Орфея и Зороастра, Пифагора и Платона, до розенкрейцеров и еще более близких к нам по времени масонов, обязательным правилом было то, что ученик должен завоевать доверие учителя, прежде чем получит от него высшее и последнее слово. Уже в самых древних религиях существовали свои великие и малые мистерии. Неофиты и новообращенные обязательно давали нерушимый обет, прежде чем они будут приняты. Ессеи Иудеи и горы Кармил требовали того же. *Наби* [набатейяне] и *назары* [назорей] («первообособленные» Израиля), подобно мирским *чела* и *брахмачаринам* Индии, сильно отличались друг от друга. Первые из них могли жениться и оставаться в миру, изучая до определенного момента священные писания; вторые же, *назары* и *брахмачарины*, уже были целиком *погружены* в таинства инициации. Великие школы эзотеризма были интернациональны, хотя и весьма замкнуты, что доказывает тот факт, что Платон, Геродот и другие, чтобы получить посвящение, совершили путешествие в Египет; тогда как Пифагор сначала посетил брахманов Индии, затем остановился в египетском святилище и, в конце концов, был посвящен на горе Кармил. Иисус следовал традиционному правилу и оправдывал свою скрытность, приводя известную заповедь:

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга
вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами
своими и, обратившись, не растерзали вас»

[От Матфея, 7:6].

Некоторые древние сочинения, известные библиофилам, персонифицируют МУДРОСТЬ, изображая ее эманацией из ЭЙН-СОФ, Парабрахмана еврейских каббалистов, помощником и спутником проявленного божества. Отсюда и ее сакральный характер у всех народов. Мудрость неотделима от божественности. Точно так же и *Веды* исходят из уст индусского Браммы (*логоса*). Будда происходит от *Будха*, «Мудрости», божественного разума. Вавилонский *Нэво*, мемфисский *Тот*, греческий Гермес, – все они были богами эзотерической мудрости.

Греческая Афина, египетские Метис и Нейт были прототипами Софии-Ахамот, женской мудрости гностиков. Самаритянское *Пятикнижие* называет книгу *Бытия* – *Акамоот*, или «Мудрость», что мы наблюдаем и в случае двух фрагментов очень древних манускриптов: *Премудрости Соломона*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.